

Аркадий МОРДУХОВИЧ

РОДНИК

Неугомонно из глубины земли несет он людям чистую прохладу, бессильные в нем силы обрели, всем без различий дарит он отраду. Природы сын — не ведает родник, что след к нему прокладывает каждый. Злой человек к источнику приник, томимый той же нестерпимой жаждой. Родник не скрылся в глубину, не смог. И место, где струился, не оставил, от грязных губ себя не уберег... Природа не меняет вечных правил. И ручеек не прекратил свой бег, Мне жаль. Но я его не упрекаю, ведь чаще путник — добрый человек... Родник живет — вовек неисчерпаем.



НИЧЕГО не случилось, и хотя мартеновцы — Михаил Карпович, Кудряшов и Эдик Наседкин — всегда после смены возвращались домой поодиночке, сегодня собрались все вместе.

В душевой Карпыч заговорщицки попросил подручных: задержитесь-ка мол, дело есть секретное, а так как мыться он любил долго и тщательно, пришлось подождать.

Сейчас они молча и устало шли по широкому заводскому мосту, думая каждый о своем, и только подручные, неся открытую в душе тревогу, смешанную с любопытством, поглядывали на вконец ушедшего в себя Карпыча и неторопливо ожидали, когда он откроет им свою «государственную тайну».

В трамвай решили не садиться, там духота и давка и не посекретничаешь.

За их спиной осталась в полнеба и полгорода громада металлургического комбината, в одном из его цехов прошла огненная сталеварская ночь, и вот из оглушительного пекла вошли за воротами, как в парную, в солнечное пекло — в предосеннюю горячую сушь и томление, разлившиеся по небу, городу и всей его достопримечательной местной природе.

В густом воздухе дрожали желтые волны света, завивались над проспектами и домами лиловым маревом, мягко опадали и растворялись в рыжих водах Урал-реки, берега которой исходили кисейным золотистым паром — разгулялось бабье лето, обдавая вдовей доброй теплотой заводские трубы, эстакады, рельсы, здания

на городских горах, замки ТЭЦ и ЦЭС, жилые дворцовые массивы на правом берегу, сады и огороды за ними, степь и далекую голубую стеклянную гряду Уральских гор на горизонте.

В пыльно-голубых тенях притаилась, как сторож, сонная тишина, только иногда было слышно: натужно двигали свои грома

Станислав МЕЛЕШИН

ТРОЕ НА КРЫШЕ

РАССКАЗ

по рельсам переполненные трамваи и отчаянно на помятых резали округу пронзительным трезвоном, да им в ответ вторили свистки маневровых паровозов на пепельных шлаковых насыпях.

Птиц не было ни слышно, ни видно. В жару они обычно прятались в небе или в тени, а здесь, в городе, — по прохладным садам, в зеленях давно отцветшей черемухи и сирени, тяжелых от пуха тольелей, кленовых кипах листьев, квартировали в яблонях и даже в металлических жилистых карагачах.

За опаловым простором гладкой воды около другого — южного моста — маячили немые фигурки завязанных рыболовов. Уставшее солнце расплылось в

небе, и только иногда, словно проснувшись, посылали свои белые огни на скопичье окон и дома, дворцы и местные небо-скребы в девять этажей.

На это природное величелие Михаилу Карповичу обращать внимание не хоталось — все было давно видано и отмечено им в каждом году, как веером отпечатано и разбросано в

фотографиях. Он смотрел себе под ноги на бетонный парапет моста и обдумывал, как душевнее и ловчее повести разговор с товарищами. Они, с которыми он проработал у печей много лет, не торопили его пока, зная, что дело наверняка окажется важным, раз сам Карпыч попросил их задержаться, шли, как ни в чем не бывало.

Михаил же Карпович все искал отправную точку, откуда можно было бы танцевать, ну, остановились бы, закурили, что ли, тогда легче забылись бы масштабы душевных расстояний, и чтобы так произошло попросту: глаза в глаза, сердце к сердцу. Ведь вчера на сменновстречном он, негодую, прицепился к начальнику



Александр ПАВЛОВ

Зависть

Тлеет в сердце досадная зависть — среди звона и грохота дней я все время проникнуть пытаюсь в тайну силы своих же друзей. В самой трудной и жаркой работе, в самых дальних и лютых краях, они даже не чувствуют вроде перегрузок опасных в сердцах. С ними жизнь и моя возмужала, руки вместе с душой обрели

Тихо... Прислушайся — льдины шуршат. Тени прозрачные мимо летят. Хруст незрелого снега и звон, теплые вести с разных сторон. Шторки веселье в окнах квартир... С гулом вокруг распускается мир. Снег оплывает с пожухлых бугров, входит в высокую глыбу облаков. Звучно расколот наплыв холодов радостным стуком твоих каблучков.

Сумрак ночи зарницами пойман, захлебнулись бурьяны пойман. Даже месяц по залитым поймам улепетывает босой. У меня в тяжелой фуфайке заплутался веселый озноб... И апрель из березовой шайки заливают последний сугроб.

и высокую твердость металла, и великую нежность земли. Пусть я мало куда изведал, только стал, оценив смелей, как мои православные деды, сивозь железо смотреть на людей.

Чтоб с ошибками сердца не меркло, и костер откровенья не стих, самой верной, рабочей меркой, измеряю себя и других.

В глубине богатырского края, у земля, у огня, на ветру, у людей это счастье черпаю, и у гор эту силу беру.

АПРЕЛЬ

Как я люблю эту пору, когда моются окна, блестят поезда, и с непривычки видна чересчур стройная ясность девичьих фигур.

В скверах горластые свадьбы грачей, первый ручей — и последний ручей.

Край качнулся широким разливом, на востоке зарю распростер. Я сегодня проснулся счастливым, запалил неумный костер. И колыхнутся ранние дымки над озерными глазами вод... Я тебя повстречал на тропинке, что к весеннему сердцу ведет.

Юрий ЛЕВШИН ВЕСЕННЕЕ

Мне плеснула в лицо весна свежим ветром и запахом почек, пробудила от зимнего сна и урезала длинные ночи. А еще подарила весна мне девочку с большими глазами. Необычная в них глубина... Посмотрите — увидите сами!



Рисунки и лит-страницы выполнил П. ХНЫКИН.

Как поймать рыбу

Александр СТЕПАНОВ

Действительно, как ее поймать? Вопрос не праздный. Волнует он каждого рыбака. В особенности начинающего.

Лично для меня, старого рыбака, это не проблема. В этом деле, как говорится, съел я не меньше дюжины собак. Видел в своей жизни и мелкую рыбешку, и среднюю, и очень крупную. Всякое бывало.

И вот после некоторых раздумий решил я поделиться накопленным багажом, передать свой богатый опыт молодежи. «Дело благородное!» — похвалили меня коллеги по рыбалке, когда я высказал им свои соображения, и посоветовали не откладывать это в долгий ящик.

Ну что ж, откладывать не будем. ...Итак: для того, чтобы поймать рыбу, нужна в первую очередь безусловно отличная удочка и не менее хорошая насадка. Нынешняя рыба, как вы, наверное, заметили, очень привередлива. Поэтому самой лучшей насадкой является червяк, желателен навозный, но не слишком крупный. На крупного любит попадаться только окунь. Хотя данная рыба очень распространена в наших краях, она тоже не везде водится. Особенно не любит окунь загрязненные водоемы. В воде, разбавленной химпрепаратами, ни за какие червяки не будет жить. Подавай чистое-окуню в чистой пробе H₂O — и никаких гвоздей!

Ну вот, дошли мы, значит, до водоема. Водоем, как таковой, обязательно должен быть с рыбой. Если этого не учесть, то может получиться так, как случилось со мной в начале моей рыбацкой карьеры.

А дело было так: собрал я все необходимые принадлежности, сел на мопед и поехал... На какой-нибудь водоем, думаю, все равно наткнусь. И действительно, километров через десять дорога привела меня к большому озеру. По берегам камыш растет, а поблизости — ни жилья, ни людей. Тишь, да благодать — только и рыбачить. Забрался я подальше от берега в камыши и закинул удочку.

Стою час, стою два — не клюет. День перевалил на вторую половину, а клева все нет и нет. Но я — человек упорный. Жду. Не может быть, чтоб не клевало!

— Эй, товарищ! — вдруг слышу громкий мужской голос с берега. — Выйди, пожалуйста, на минутку!

«Чего там разорался!» — чуть было не ругнулся я, но увидев на голове мужскую форменную фуражку, вовремя прикусил язык. Не иначе, как рыбацкая, думаю. Попадет мне сейчас на орехи. Ну и влопался, будь оно неладно, это самое озеро! Видно, рыбобитомник здесь.

Стою перед ним, а колени чечетку выбивают. Струхнул крепко.

— Да я п-первый раз здесь, — говорю противным таким телячьим голосом, аж самому тошно. — Я не знал, что тут н-нельзя...

Мужчина смотрел-смотрел на меня с удивлением и неожиданно расхохотался:

— Вижу, что не знаешь. Иначе бы не стал здесь рыбачить.

— Почему?

— А потому, что здесь ничего нет.

— Как это нет? — в свою очередь удивился я. — Столько воды — и ничего. Не может быть такого!

— А вот и может. Озеро-то соленое. И называется не зря оно Соленым.

— Значит, так-таки и ничего? — все еще не веря, переспрашиваю его и снова получаю утвердительный ответ:

— Да, ничего.

Н-да, дела... А как хотелось рыбки...

Присев на травку, закурили мы с ним и разговорились. Оказался он жителем Карагайки. Работает лесником. (Вот откуда у него форменная фуражка). В эмблемах я не разбираюсь — поэтому принял его за инспектора рыбоохраны. Вот оно какое дело.

...Извините, что малость отвлекся от темы, но самое главное уже сказано. Остается добавить только одно: насадив червя на крючок, плюньте на него три раза (обязательно три! Не больше и не меньше) и со словами «Ловись рыбка, большая и маленькая!», закиньте удочку как можно дальше от берега.

Если все формальности будете соблюдать, успех вам обеспечен. Лично я это гарантирую. Но при одном условии: если рыба в этот день в радужном настроении, а в желудке у нее, как в порожней бочке. Тогда обязательно клюнет!

(Продолжение следует).